

Александр Зорин, 2009

Поэзия тоже документ.

ГАЛИНА ОСИНИНА. «ПРИИДЕ КРОТОСТЬ НА НЫ.» Москва.» 2011 г.

Эта книжку, увы, я получил в день похорон Галины Осининой. Не довелось отозваться при жизни. А ей, поэту не очень известному, любой отзыв был драгоценен. И вот -- голос внятный, скорбный, узнаваемый, как будто окликнул уже оттуда. Впрочем, «оттуда» -- условное местопребывание поэта, чьё присутствие ощутимо в его поэзии.

Её судьба типичная для советского человека. Родом из Нижнего Новгорода. Порушенная раскулаченная семья. Погибший на фронте отец, послевоенные мытарства в столице, поиск дружественной среды и смысла жизни («В трухлявом стоге бытия// Тщусь смысла отыскать иголку») и наконец, бесповоротное обращение к христианству, к которому тянулась с детских лет. Что с наибольшей полнотой сказалось в последней книге стихотворений. А их и всего-то было три. Но были другие книги: учебники английского языка. Галина Александровна, окончившая ИНЯЗ, стала известным специалистом по языку. Её учебники, издававшиеся под фамилией Макарова, востребованы и сегодня. Поэт чуток к языку, и может, как никто рассказать о его богатстве и уроках его постижения. Кстати, её русский сохранил чистоту и крепость простонародной лексики.

Мы знаем, по воспоминаниям очевидцев, как дышит, как шевелится земля над могильным рвом, в котором остались недострелянные жертвы. Книга Галины Осининой -- сгусток горя -- во многом напоминает ту влажно-дышащую землю. Она молится за них, родных и близких, «познавших ад на земле», рассечённой лагерными зонами. Ад – узилище немоты и страха, в котором жило население по обеим сторонам колючей проволоки

*Мы жили, как пришибленные, тихо.
И не роняли лишнего словца.
Нас берегла от всяческого лиха
Тень мученика деда иль отца.*

Галина Александровна избежала прямых репрессий, но была свидетельницей событий, о которых не лишне напоминать сегодня. Мемуаров и документов явно недостаточно, если безумие тех лет до сих пор не осмыслено нашим забывчивым населением, если тень Сталина наплывает на сегодняшний день.

Поэзия тоже документ -- пристрастный и эмоциональный. Вспомним, к примеру, пореволюционное творчество Максимилиана Волошина. Поэзия Осининой – документ трагический и бескомпромиссный.

*Я родилась для мира и покоя,
Да, видно, заблудился мой талант.*

*Мы пережили времечко такое --
В любом роду ГУЛАГ или Котлован.*

Времечко наложило печать не только на душу.. «Добрый доктор с фиолетовым носом», знаток неисчислимых болезней своих пациенток, вразумляет обескураженного мужа: « Жёны нашего поколения/ Все больны. Вы уж мне поверьте./ Неподъёмная это ноша --/ Бабушка жизнь на земле Российской».

Мать, обречённая смерти, просит Бога сначала прибрать её дочку («Молитва старообрядки Бобковой»), потому что без неё она, бесприютная, всё-равно погибнет. Всё-равно доконают «Ироды, душерастлители. / Не человеки – зверьё./ Нету на свете обители,/ Где бы упрятать её./ Только земля наша матушка/ Даст ей надёжный приют./ Слышишь ли, доченька Аннушка, / Как херувимы поют?» Сквозь неизбывный морок, обволакивающий родную землю, звучат ангельские голоса, позывные надежды...

Правда, надежды на потустороннюю близость. По сю сторону надежда мерцает «песчинкой-огоньком», еле видимым светом вопрошающего одиночества. «Нам только думать друг о друге/ Скупой судьбой отведено./ Мерцают в сумраке разлуки/ Моё окно – твоё окно». Теплится на расстоянии смутная душевная близость. Можно сказать, что поэзия Осининой верна некрасовской школе -- поэзии скорби и печали. Отчасти так. Но Некрасов и помыслить не мог о том, что случилось с Россией в XX веке. Его Россия, кружась в пучинах народного горя, ещё дна не достигла – последнего устрашающего предела, опоры, от которой можно оттолкнуться только ввысь. Если конечно не иссякли силы, чтобы... оттолкнуться. Смертоносное дно подсказывает единственный выход – Евангельскую вертикаль. Некрасовская печаль (Россия), замкнутая на народном горе, ангельских голосов не слышала. Слышала сказки Деда Мороза, обходившего свои владения. И как « Дарья стояла и стыла в своём заколдованном сне». А здесь сна и в помине нет. Здесь ад – с его inferнальным бытом и бытием. Но именно здесь-то и рождается действенная молитва, попытка оттолкнуться ввысь, навстречу к другому, как в том состоянии двойного (донного) одиночества. Оно, в свете молитвы, не беспросветно.

Боль роднит, страдание соединяет. Больничное сиротство понуждает к взаимопомощи. «Пот стереть, подставить судно,/ Поднести воды глоток.../ Дышит жадно, дышит трудно/ Братства малый островок». Но соединяет не только страдание, и, может быть, более, чем страдание соединяет радость, Радостная весть – хотя и не просветлённая в полной мере. Искалеченные души наощупь пробираются к ней. В больничной палате рождается духовное родство, ощущение братства.

Характерно, что в её исповедальной поэзии нет назидательного напора, правоверной риторики. Хотя название книги «Прииде кротость на ны» вроде бы настораживает. Но это, помимо смысла, всего лишь знак конфессиональной принадлежности, не более того. Её стих гармоничен, обстоятелен, она мыслит стихом. Строфа рождается на вдохе и выдохе. Поэтика облагораживает действительность. Преобладает сдержанный тон. Она поэт широкого диапазона. Лирическая глубина восходит к социальным обобщениям. Изменения в обществе немислимы вне нравственной сферы, касающейся каждого человека. К чему может

привести только подвиг веры. Это её, так сказать, программа максимум. И вместе с тем она понимает, как изгажен духовный климат в стране, как изнурён политической атмосферой. Евангелие, на которое она уповает, всё ещё мало доступно населению. И поэтому она избегает окончательных выводов. Мир открывается ей в главном -- в фокусе преображённой личности. Драма жизни, постижимая в искусстве, уже не безнадежна. А просветлённая Евангельским откровением, не так страшна

Александр Зорин